

ИНФОРМАЦИОННЫЕ МОДЕЛИ АДАПТАЦИИ ЛИЧНОСТИ В СОЦИУМЕ

ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ И РЕСУРСНЫЙ ПОДХОДЫ В ИЗУЧЕНИИ СЕТЕВОЙ АГРЕССИИ СРЕДИ МОЛОДЕЖИ¹

© 2018 г. Ю. В. Постылякова

*Кандидат психологических наук, научный сотрудник,
Институт психологии РАН, г. Москва
E-mail: postylyakova@mail.ru*

В статье рассматриваются возможности использования экологического и ресурсного подходов для изучения сетевой агрессии (кибербуллинга) среди молодежи. Показано, что использование ресурсного и экологического подходов является перспективным направлением в исследовании сетевой агрессии и способов совладания с нею. Экологический подход позволяет рассматривать сетевой контекст и как составляющую общего социального контекста, и как его специфическую форму, в которой могут быть представлены формальные (профессиональная, образовательная) и неформальные (личностная, семейная) среды, а также выявлять содержащиеся в нем факторы угрозы и ресурсные возможности для индивида. Ресурсы личности обеспечивают эффективность используемых стратегий совладания с сетевыми угрозами и усиливают индивидуальную жизнеспособность.

Ключевые слова: сетевая агрессия, кибербуллинг, совладание, ресурсы совладания, индивидуальная жизнеспособность

Онлайн-мир является одним из самых распространенных общественных «мест», где современная молодежь проводит значительную часть своего времени. Платформы социальных сетей, такие как ВКонтакте,

---

¹ Исследование проводится при финансовой поддержке РФФИ, проект №18-013-00754А «Сетевая агрессия среди молодых: социально-психологические факторы, методы управления и совладания»

Facebook, Twitter и Instagram, используются большинством молодых людей. Они входят в социальные сети по крайней мере один раз в день и поддерживают более одной платформы социальных сетей (Lenhart et al., 2015). Социальные медиа предоставляют молодежи возможности оставаться на связи с друзьями, создавать и развивать свое виртуальное-Я, искать информацию о сверстниках. Исследования показывают, что взаимодействие сверстников в интернете может быть столь же важным в отношении их самоуважения и дружбы, как и в случае офлайн (Valkenburg, Peter, 2011). Социальные медиа стали нормативной частью процесса формирования и поддержания дружбы (Chou, Edge, 2012). Из-за популярности социальных сетей среди молодежи и их легкой доступности в любое время с помощью мобильных устройств они оказались вплетены в ткань жизни и отношений молодых людей. Вместе с тем, эти технологии предоставляют им как новые возможности, так и являются источником проблем, таких как негативные отношения, проблемные социальные ситуации и буллинг (National Academies of Sciences, Engineering ..., 2016).

Впервые буллинговое поведение (bullying – от англ. запугивать, грозить) было выделено и охарактеризовано Ф. Бурк в работе «Teasing and Bullying» в 1897 году (Burk, 1897). Автор рассматривал его как часть опыта детства и не просто описал поведение, заключающее в себе издевательства и угрозы, но попытался определить его причины, а также предложил способы излечения страданий тех, на кого это поведение направлялось (Коо, 2007). И только в 1978 году Д. Ольвеус, норвежский профессор психологии, провел интенсивное исследование буллинга (Olweus, 1978), что в итоге привело к осознанию этой проблемы учеными и побудило специалистов начать проводить собственные исследования, расширяя тем самым знания о поведении, связанном с издевательствами, угрозами, травлей, запугиванием, клеветой и т.п. Начиная с ранней работы Д. Ольвеуса, исследования в области буллинга приобрели систематичность, и

их число неуклонно возрастало (Farrington, Ttofi, 2009; Hymel, Swearer, 2015; и др.).

Д. Ольвеус определяет буллинг как преднамеренное и систематически повторяющееся агрессивное поведение, включающее неравенство власти или силы (Olweus, 1993). Согласно определению, принятому американским Центром по контролю и профилактике заболеваний (The Centers for Disease Control and Prevention (CDC)), буллинг – это «любое нежелательное агрессивное поведение людей или групп молодежи, не являющихся братьями и сестрами или действующими партнерами по сексу, которое связано с наблюдаемым или воспринимаемым дисбалансом власти, повторяется несколько раз или, скорее всего, будет повторяться. Издевательства могут причинять вред или вызвать дистресс у молодых людей, на которых они направлены, включая физический, психологический, социальный или образовательный ущерб» (National Academies of Sciences, Engineering ..., 2016).

Появление Интернета, чатов, мгновенных сообщений, социальных сетей и других форм цифровой электронной связи значительно увеличило количество «мест», где можно столкнуться с различными проявлениями агрессии и получить травмирующий опыт. Вслед за этим и фокус многих научных исследований буллинга сместился в цифровую среду.

Возникло понятие кибербуллинга, которое описывает формы буллинга, использующих цифровые технологии. Так, по мнению Б. Бесли, «кибербуллинг предполагает использование информационных и коммуникационных технологий, таких как текстовые сообщения электронной почты, сотового телефона, обмен мгновенными сообщениями и т.п. для дискредитации личных веб-сайтов и сайтов онлайн-опроса, и поддержание преднамеренного, повторяющегося и враждебного поведения человека или группы, чьи цели заключаются в нанесении вреда другим» (Belsey, 2005).

Онлайн-контекст, где происходит кибербуллинг, почти повсеместно доступен подросткам и молодежи. Сайты в социальных сетях используются большинством из них и представляют собой потенциальную среду, в которой происходит кибербуллинг. А поскольку кибербуллинг часто имеет пролонгированный характер, то он становится нежелательной, травмирующей, стрессогенной частью повседневной жизни как жертвы буллинга, так и жизней близких ей людей (A Practical Guide to ..., 2015), а также переносится (преследует) объект буллинга не зависимо от того, как меняется его жизнь в реальности (меняет ли он места жительства, места учебы, работы и т.п.). Более того, зарубежные исследования отмечают, что те травмы, которые получили жертвы кибербуллинга в детстве и подростковом периоде, оказывают сильное влияние на их качество жизни и самочувствие во взрослом возрасте: они испытывают недоверие к другим и им труднее устанавливать отношения с новыми людьми, они испытывают социальную тревогу (Shariff, 2008; DeLara, 2016), а следовательно, они будут испытывать проблемы при вхождении, например, в профессиональную среду, в коллектив на работе, с установлением профессиональных и деловых контактов и т.п.

В целом зарубежные исследования сетевой агрессии выявляют широкий спектр виктимизации (до 70%) детей и подростков, проводящих время в социальных сетях (DeLara, 2016). В канадском исследовании школьников средних классов было показано, что 36% учащихся были подвержены кибертравле со стороны друга или друзей, 13% - со стороны сестры или брата, а 48% не знали, кто их унижает в интернете. Кроме того, одна треть испытуемых указала, что и они сами травят окружающих онлайн и испытывают при этом удовольствие, а также чувствуют свою популярность, силу и власть (Mishna et al., 2010).

В исследованиях было обнаружено, что как жертвы, так и преследователи часто испытывают психосоматические проблемы,

депрессию, тревожность, имеют низкую самооценку и более низкий общий уровень умственного и физического развития, чем те, кто не участвует в издевательствах (Hodges, Perry, 1996; Haynie et al., 2001; Juvonen, Graham, 2001; Kochenderfer-Ladd, Wardrop, 2001; Rigby, 2001). Другие ученые отмечают, что дети, которые являются одновременно и жертвами, и преследователями, подвергаются еще большему психологическому риску, чем те, кто выступает в какой-то одной роли (Haynie et al., 2001; Nansel et al., 2001). Они демонстрируют серьезные психологические проблемы, склонны искать девиантных сверстников и меньше успевают в учебе. Они также сообщают о более низкой самооценке и большей социальной неудовлетворенности (Shariff, 2008). Исследователями были получены доказательства, подтверждающие корреляцию между запугиванием в интернете и лично (Ybarra, Mitchell, 2004).

Что касается изучения психологических последствий издевательств, то исследователями выделяются интернализированные и экстернализированные симптомы (internalizing and externalizing symptoms) (Sigurdson et al., 2015). Интернализированные симптомы включают проблемы, направленные на человека, такие как депрессия, тревога, страх и отказ от социальных контактов. Экстернализированные симптомы отражают поведение, направленное вовне, на других – гнев, агрессия и проблемы поведения, включающие склонность к рискованному и импульсивному поведению, а также преступное поведение, злоупотребление алкоголем и наркотическими веществами (National Academies of Sciences, Engineering ..., 2016).

Молодые люди, ставшие объектом издевательств, часто имеют низкую самооценку и чувствуют себя подавленными, тревожными и одинокими (Juvonen, Graham, 2014). Данные исследования психопатологии развития также свидетельствуют о том, что стрессовые события жизни могут привести к возникновению и поддержанию депрессии, тревоги и других

психиатрических симптомов и, что для многих молодых людей, издеваются является серьезным стрессором в жизни (Swearer, Hymel, 2015). Усугубляющими факторами является интернет зависимость, которая часто способствуют увеличению тревожности, депрессии, стресса, алкоголизации, вовлеченности в азартные игры, а также недостаток социальной поддержки, низкие мобильность и социальная активность (National Academies of Sciences, Engineering ..., 2016).

Лица, подвергшиеся кибертравле, сообщали о более высоких уровнях депрессии и суицидальных мыслей, демонстрировали рост эмоционального стресса, внешней враждебности и преступности по сравнению со сверстниками, над которыми не издевались (Patchin, 2006; Ybarra et al. 2006). Кроме того, тяжесть депрессии среди молодежи, подвергшейся кибербуллингу, коррелирует со степенью и тяжестью кибербуллинга (Didden et al. 2009).

Еще одна область, в которой существует проблемы, связанные с буллингом, но где до сих пор было проведено мало исследований, находится в контексте онлайн-игр. Недавнее исследование выявило положительную связь между временем, проведенным в онлайн-играх, воздействием агрессивных СМИ и опытом кибербуллинга. Авторами было сделано предположение, что проведение времени в онлайн- или медиа-контекстах, которые способствуют агрессии или насилию, может быть связано с опытом издевательств (Chang et al., 2015).

Кроме того, в ряде исследований было показано, что существует факторы, способствующие распространению идеологии и поведения, связанного с самоубийством среди молодежи. В них была продемонстрирована связь между буллингом и идеологией, поведением, связанными с суицидами (Holt et al., 2015; Kim, Leventhal, 2008; Sourander, 2010; van Geel et al., 2014). Показательным в данном случае является и российская история волны самоубийств среди подростков,

спровоцированных создателями интернет-страниц про «китов в океане» (Мурсалиева, 2017). Психологи, изучавшие эти факты отметили, что подростки, не имеющие серьезных увлечений, планов, интересов, друзей, близких отношений, составляют группу риска для киберагрессии (Леоненко, Тимошенко, 2017).

Кроме того, в онлайн-мире присутствуют специфические факторы, которые могут усиливать опыт буллинга. Агатстон с соавт. (2007) изучали различные онлайн-контексты в качестве модераторов опыта буллинга и выделили три таких фактора. Первый фактор касается постоянной доступности онлайн-мира. Если в контексте реального школьного буллинга, когда молодой человек, являющийся объектом травли, может искать передышку дома, то онлайн-контекст доступен 24 часа в сутки и 7 дней в неделю и может привести к переживанию чувства неизбежности издевательств (Agatston et al., 2007). Второй фактор заключается в том, что в отличие от личного запугивания, когда личность хулигана или преступника известна, онлайн-контекст предоставляет ему возможность оставаться анонимным (National Academies of Sciences, Engineering ..., 2016). Третий фактор, дифференцирующий онлайн-контекст, заключается в том, что один эпизод издевательства может быть широко, быстро, «вирусно» распространен и привести к различным его интерпретациям, а это, в свою очередь, означает для жертвы повторение опыта издевательств (Turner et al., 2015).

Е. Делара в ходе своих исследований, проведенных на взрослой выборке, выделила постбуллинговый синдром (Adult Post-Bulling Syndrome – APBS). Хотя в описанном ею синдроме присутствуют симптомы, характерные для посттравматического стрессового расстройства (проблемы с самооценкой и стыд; проблемы с доверием к другим; проблемы в отношениях; злоупотребление лекарствами, алкоголем, наркотиками; эмоциональные проблемы и расстройства; чувства гнева,

ярости и мести; телесные проблемы), автор указывает и на существенное отличие, заключающееся в «наличии в постбуллинговом синдроме некоторых положительных или неожиданных результатов, которые его сопровождают» (DeLara, 2016, p. 21).

Она отмечает, что эти положительные аспекты часто нельзя предвидеть заранее. В ходе ее исследований многие испытуемые сообщали о внутренней силе, которую, по их мнению, они не обнаружили бы, если бы не столкнулись с буллингом; о том, что они нашли способ взять под контроль свою собственную жизнь и перестать быть беспомощными. Испытуемые отмечали, что стали проявлять сочувствие к уязвимым группам населения. Автор отмечает, что «эти люди выдержали негативные аспекты синдрома и смогли найти и использовать его положительные стороны, чтобы улучшить свою жизнь» (DeLara, 2016, p. 28).

Эти результаты можно рассматривать с точки зрения концепции индивидуальной жизнеспособности, развиваемой в работах (Махнач, 2018; Лактионова, 2017; и др.), которая подразумевает не только способность человека выдерживать жизненные удары, но совладать с ними и развиваться, несмотря на неблагоприятные окружающие условия. Вместе с тем, такой взгляд позволяет задаться вопросом о ресурсности испытуемых, сумевших справиться с негативными последствиями буллинга и открыть в себе новые стороны, качества и т.п. Что может рассматриваться в качестве ресурсов совладания со стрессом, вызванным кибербуллингом, в чем их специфичность и есть ли она?

Здесь уместно привести и результаты исследований кибербуллинга, осуществленных в русле теорий совладания со стрессом, где были выделены стратегии совладания с киберагрессией.

Исследователи Национального центра исследований киберпреследования (The National Centre for Cyberstalking Research) при Университете Бэдфордшира (Великобритания) классифицировали

основные стратегии совладания с киберагрессией по направленности действий или ответов объекта агрессии. Они выделили следующие стратегии:

1. Движение внутрь (moving inward) - это ответ, который соответствует стратегии избегания. Эту стратегию часто используют лица, пытающиеся минимизировать или отрицать серьезность преследования, или даже вообще сам факт того, что это происходит. Авторы отмечают, что такие действия могут помочь в управлении краткосрочным стрессом, но не способны остановить самого киберпреследователя. Кроме того, этот вид совладания может включать употребление алкоголя или наркотиков с целью справиться с негативными эмоциями, что, в свою очередь, отрицательно сказывается на здоровье и благополучии жертвы.

2. Удаление (moving away) – этот ответ подразумевает, что жертва отделяется или пытается оказаться вне зоны досягаемости преследователя. В онлайн-контексте это может представлять собой усилия объекта киберпреследования, направленные на ограничение доступа на личную страницу, применение специальных мер безопасности, таких как изменение электронного почтового адреса, избегание определенных социальных сайтов (публичков), необходимость соблюдать сверхбдительность. Эта стратегия возлагает ответственность за изменения на жертву и может оказаться эффективной в долгосрочной перспективе, стать хорошим началом для совладания с кибербуллинг. В рамках данной стратегии жертвам киберпреследования рекомендуется один раз дать понять преследователю, что они не хотят контактировать с ним в дальнейшем и как только это будет сделано, никакого дальнейшего участия не должно быть. Эта стратегия поведения делает жертву менее доступной для преследователя и требует больших усилий со стороны последнего, чтобы найти ее вновь. Уменьшение возможностей для взаимодействия означает,

что преследование становится для преследователя менее стоящим и привлекательным.

3. Движение с (moving with) - этот ответ включает попытки жертвы отвечать, вести переговоры с преследователем или даже вступить с ним в конфронтацию. Однако эксперты выступают категорически против этого вида действий, так как любой вид взаимодействия может быть психологически приятен для преследователя, который может рассматривать любой вид контакта как позитивный. И если он, например, ищет романтических отношений с жертвой, то может проинтерпретировать ее ответ как обнадеживающий показатель.

4. Движение против (moving against) - этот ответ также предполагает контакт жертвы и преследователя. Но в этом случае участвуют жертва, преследователь и третья сторона, угрожающая преследователю. Эти действия также не рекомендуются по выше изложенным причинам, так как дают возможность для взаимодействия с преследователем и показывают ему степень его влияния на жизнь жертвы.

5. Движение наружу (moving outward) - этот ответ включает активный поиск поддержки из внешних формальных и неформальных источников: полиции, семьи, друзей и т.п. Жертвы буллинга часто изолируют себя от других и не ищут помощи. Однако социальная поддержка является важнейшим ресурсом совладания со стрессом. Эта стратегия наиболее часто рекомендуется экспертами в области буллинга (A Practical Guide ... , 2015).

Как мы видим, все описанные стратегии совладания с киберагрессией лежат в диапазоне двух видов совладания: основанном на взаимодействии со стрессором и тем, что его вызывает, путем планирования способов снижения его негативного влияния, и избегающем совладании, направленном на отделение себя от стрессора и связанным с эмоциональным реагированием. При этом исследователями показана

специфика и эффекты использования этих стратегий применительно к сетевому пространству.

Таким образом, изучение кибербуллинга, сетевой агрессии могут осуществляться в рамках теорий совладания со стрессом и ресурсного подхода, ориентированного на определение и использование сильных индивидуальных сторон личности и ее социального окружения. Поэтому актуальным является выделение таких ресурсов личности, которые являются необходимыми и значимыми при совладании с киберугрозами, а также обеспечивать эффективность используемых стратегий совладания. Например, так же как при совладании со стрессом в реальной жизни распознавание стресс-фактора рассматривается в качестве ресурса совладания, так и применительно к сетевому контексту распознавание сетевого агрессора, понимание его мотивов и целей может являться ресурсом для объекта преследования. Например, в рамках профилактики и помощи в совладании с сетевым моббингом (травлей, преследованием) в профессиональной среде, на рабочем месте, автор первого русскоязычного сайта, посвященному моббингу «Mobbingunet», Д. Невская отмечает, что «если научиться отличать моббинг от «просто-проблем-на-работе», то можно считать, что вы уже избежали статуса «жертвы» (Невская, 2015). Юридическая и компьютерная грамотность, подразумевающие умение обезопасить свой контент от сетевых преследователей, периодическая смена паролей и сохранение их в тайне, знание способов фиксации актов киберпреследования и порядка их предоставления в правовые органы и т.п. также могут рассматриваться в качестве инструментальных ресурсов, которые обеспечивают использование проблемно-ориентированной стратегии совладания. Кибербезопасность корпоративной электронной почты, обеспечение которой берет на себя организация, где человек учится или работает, может являться примером внешнего по отношению к индивиду ресурса. На основе выделенных ресурсов совладания со стресс-

факторами, содержащимися в сетевой среде, возможно осуществление профилактики сетевой агрессии, а также целенаправленное формирование и развитие таких ресурсов. Все это говорит о том, что использование ресурсного подхода является перспективным направлением в исследовании сетевой агрессии и способов совладания с ней.

Еще одним перспективным подходом в изучении кибербуллинга является экологический. В рамках этого подхода Ю. Бронфенбреннером была предложена экологическая модель развития человека (Bronfenbrenner, 1979). Модель описывает структуру окружения ребенка, в которой ученый выделил четыре основных контекста экологической среды, где происходит его развитие: семейный, социальный, культурный и исторический. По Ю. Бронфенбреннеру, экологическая среда развития ребенка состоит из четырех систем, встроенных одна в другую, каждая из которых представляет собой группу взаимодействующих и влияющих друг на друга людей. Причем, ребенок не обязательно должен входить в каждую систему, но каждая система способна прямо или опосредованно влиять на него. Киберпространство с его возможностями быстрого перехода от одной технологии, например, e-mail, MSN, Facebook, ВК, веб-блоги, чаты и т.п., к другой, возможностями для миллионов людей читать и участвовать в различных формах общения, на различных сетевых площадках, способствует пересечению этих контекстов.

Поскольку молодежь включена одновременно в несколько контекстов, начиная от коллег на работе, семьи, одноклассников в институте, и заканчивая молодежным сообществом и макросистемой (культура, общество и др.), то каждый из этих контекстов может влиять на индивидуальные характеристики личности (например, раса, этничность, сексуальная ориентация и т.п.) молодого человека, усугублять/ослаблять их, и тем самым способствовать/препятствовать воспроизведению

буллингового поведения и возможности стать объектом издевательств (Shariff, 2008).

Поскольку опыт сетевого буллинга транслируется как жертвой, так и преследователем на другие контексты, то, например, при переходе из образовательной среды в профессиональную, недавний выпускник вуза, а ныне молодой специалист, изначально находится в более уязвимой позиции из-за полного отсутствия у него или наличия минимального опыта реальной работы. К этому стоит добавить такие факторы риска, как профессиональная и карьерная конкуренция среди сотрудников, или, возможно, в конкретном коллективе существуют внутренние проблемы и конфликты и т.п. Все это может способствовать возникновению буллинга на рабочем месте, а сетевая среда расширяет его границы и усиливает тяжесть.

С. Шарифф также отмечает, что контекстуальные факторы действуют по-разному среди групп молодежи, и поэтому контексты, защищающие молодежь от негативных последствий издевательств, например, семья или близкие друзья, не являются общими и универсальными для всей молодежи. Следовательно, необходимы исследования для выявления контекстуальных факторов, которые являются защитными для конкретных подгрупп молодежи, которые в наибольшей степени подвержены риску подвергнуться преследованиям, связанным с буллингом (Shariff, 2008).

Экологическая модель позволяет широко концептуализировать различные контекстуальные последствия издевательств над молодежью. Экологическая модель обеспечивает основу для дальнейшего понимания того влияния, которое социальные контексты, в том числе и сетевые, могут оказывать как на уровень издевательств, так и на опыт негативных последствий для психического здоровья тех, кто подвергается издевательствам (National Academies of Sciences, Engineering ..., 2016).

В целом экологический подход позволяет рассматривать сетевой контекст и как специфическую составляющую общего социального контекста, и как его специфическую форму, а также выявлять его факторы угрозы и ресурсные возможности. Он дает возможность использовать в исследованиях и ресурсный подход совладания со стрессом, источником которого является сетевая среда, на основе учета специфичности сетевого контекста и присутствующих в нем факторов риска и ресурсности.

Выводы. Использование ресурсного и экологического подходов является перспективным направлением в исследовании сетевой агрессии и способов совладания с нею.

Экологический подход позволяет рассматривать сетевой контекст и как составляющую общего социального контекста, и как его специфическую форму, в которой могут быть представлены формальные (профессиональная, образовательная) и неформальные (личностная, семейная) среды, а также выявлять содержащиеся в нем факторы угрозы и ресурсные возможности для индивида.

Экологическая модель дает возможность концептуализировать различные контекстуальные последствия издевательств над молодежью и предлагает основу для дальнейшего понимания того влияния, которое социальные контексты, в том числе и сетевые, могут оказывать на уровень издевательств и на негативные последствия для психического здоровья объектов издевательств.

Опыт сетевого буллинга транслируется как жертвой, так и преследователем на другие контексты, например, при переходе молодого человека из образовательной среды в профессиональную, что остро ставит проблему выявления эффективных способов совладания с сетевой агрессией и ее профилактики.

Актуальным является выделение ресурсов личности, которые являются необходимыми и значимыми при совладании с киберугрозами, а

также обеспечивают эффективность используемых стратегий совладания и усиливают индивидуальную жизнеспособность. На основе выделенных ресурсов совладания со стресс-факторами, содержащимися в сетевой среде, возможно осуществление профилактики сетевой агрессии, а также целенаправленное формирование и развитие таких ресурсов.

ЛИТЕРАТУРА:

- Лактионова А.И.* Структурно-уровневый анализ феномена жизнеспособности человека // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2017. Т. 2. № 4. С. 106-133.
- Леоненко Е., Тимошенко Г.* Почему так и что делать. Взгляд психолога // Дети в сети: шлем безопасности ребенку в Интернете. М.: Изд-во «АСТ», 2017. С. 312-318.
- Махнач А.В.* Жизнеспособность человека: новое понятие и новые вызовы// Разработка понятий современной психологии / Отв. ред. Е.А. Сергиенко, А.Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 551-578.
- Мурсалиева Г.* Дети в сети: шлем безопасности ребенку в Интернете. М.: Изд-во «АСТ», 2017.
- Невская Д.Р.* Причины, условия и признаки моббинга на рабочем месте // URL: <http://mobbingu.net/articles/detail/59/> (дата обращения: 10.11.2018)
- A Practical Guide to Coping with Cyberstalking. The National Centre for Cyberstalking Research University of Bedfordshire, UK. 2015.
- Agatston P.W., Kowalski R., Limber S.* Students' perspectives on cyber bullying // Journal of Adolescent Health. 2007. V. 41 (6). P. 59-60.

- Belsey B.* Internet usage: Facts and news. URL: http://www.cyberbullying.ca/facts_st.html (дата обращения: 23.10.2018).
- Bronfenbrenner U.* The ecology of human development: Experiments by nature and design. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1979.
- DeLara E.W.* Bullying scars: the impact on adult life and relationships. Oxford; New York: Oxford University Press, 2016.
- Burk F.L.* Teasing and bullying // The Pedagogical Seminary. 1897. V. 4 (3). P. 336-371.
- Chou H.-T.G., Edge N.* "They are happier and having better lives than I am": The impact of using Facebook on perceptions of others' lives // Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking. 2012. V. 15 (2). P. 117-121.
- Didden R., Scholte R.H.J., Korzilius H., de Moor J.M.H., Vermeulen A., O'Reilly M., Lang R., Lancioni G.E.* Cyberbullying among students with intellectual and developmental disability in special education settings // Developmental Neurorehabilitation. 2009. V. 12 (3). P. 146-151.
- Farrington D., Ttofi M.* School-based programs to reduce bullying and victimization: A systematic review // Campbell Systematic Reviews. 2009. V. 5 (6).
- Haynie D.L., Nansel T.R., Eitel P., Crump A.D., Saylor K., Yu K. et al.* Bullies, victims, and bully/victims: Distinct groups of at-risk youth // Journal of Early Adolescence. 2001. V. 21. P. 29-49.
- Hodges E.V.E., Perry D. G.* Victims of peer abuse: An overview // Reclaiming Children and Youth: Journal of Emotional and Behavioral Problems. 1996. V. 5 (1). P. 23-28.
- Hymel S., Swearer S.M.* Four decades of research on school bullying: An introduction // American Psychologist. 2015. V. 70 (4). P. 293.
- Juvonen J., Graham S.* Peer harassment in school: The plight of the vulnerable and victimized. New York, London: Guilford Press, 2001.

- Juvonen J., Graham S.* Bullying in schools: The power of bullies and the plight of victims // *Annual Review of Psychology*. 2014. V. 65 (1). P. 159-185.
- Kochenderfer-Ladd B., Wardrop J.L.* Chronicity and instability of children's peer victimization experiences as predictors of loneliness and social satisfaction trajectories // *Child Development*. 2001. V. 72 (1). P. 134-151.
- Koo H.* A time line of the evolution of school bullying in differing social contexts // *Asia Pacific Education Review*. 2007. V. 8 (1). P. 107-116.
- Lenhart A., Duggan M., Perrin A., Stepler R., Rainie H., Parker K.* Teens, Social Media & Technology Overview 2015. URL: <http://www.pewinternet.org/2015/04/09/teens-social-media-technology-2015/> (дата обращения: 10.11.2018)
- Mishna F., Cook C., Gadalla T., Daciuk J., Solomon S.* Cyber bullying behaviors among middle and high school students // *American Journal of Orthopsychiatry*. 2010. V. 80 (3). P. 362-374.
- Nansel T., Overpeck M., Pilla R.S., Simons-Morton B., Scheidt P.* Bullying behaviors among US youth: Prevalence and association with psychosocial adjustment // *Journal of the American Medical Association*. 2001. V. 285. P. 2094-2100.
- National Academies of Sciences, Engineering, and Medicine. Preventing Bullying Through Science, Policy, and Practice. Washington, DC: The National Academies Press. 2016. doi: 10.17226/23482
- Olweus D.* Aggression in the Schools: Bullies and Whipping Boys. Washington, DC: Hemisphere, 1978.
- Olweus D.* Bullying at school: What we know what we can do. New York: Blackwell, 1993.
- Patchin J.W.* Bullies move beyond the schoolyard: A preliminary look at cyberbullying // *Youth Violence and Juvenile Justice*. 2006. V. 4 (2). P. 148-169.

- Rigby K.* Health consequences of bullying and its prevention in schools / In J. Juvonen, S. Graham (Eds.) // *Peer harassment in school: The plight of the vulnerable and victimized.* New York, London: Guilford Press, 2001. P. 310–331.
- Shariff S.* *Cyber-bullying: issues and solutions for the school, the classroom and the home.* New York, London: Taylor & Francis e-Library, 2008.
- Sigurdson J.F., Undheim A.M., Wallander J.L., Lydersen S., Sund A.M.* The long-term effects of being bullied or a bully in adolescence on externalizing and internalizing mental health problems in adulthood // *Child and Adolescent Psychiatry and Mental Health.* 2015. V. 9 (1). P. 1-13.
- Swearer S.M., Hymel S.* Understanding the psychology of bullying: Moving toward a social-ecological diathesis–stress model // *American Psychologist.* 2015. V. 70 (4). P. 344-353.
- Turner H.A., Finkelhor D., Shattuck A., Hamby S., Mitchell K.* Beyond bullying: Aggravating elements of peer victimization episodes // *School Psychology Quarterly.* 2015. V. 30 (3). P. 366-384.
- Valkenburg P.M., Peter J.* Online communication among adolescents: An integrated model of its attraction, opportunities, and risks // *Journal of Adolescent Health.* 2011. V. 48 (2). P. 121-127.
- Ybarra M.L., Mitchell K.J., Wolak J., Finkelhor D.* Examining characteristics and associated distress related to Internet harassment: Findings from the second Youth Internet Safety Survey // *Pediatrics.* 2006. V. 118 (4). P. 1169-1177.

Статья поступила в редакцию: 01.11.2018. Статья опубликована: 29.12.2018

**OLOGICAL AND RESOURCE PROPOSAL STUDY OF NETWORK
GRASSION ONG YOUNG PEOPLE**

© 2018 Yulia V. Postylyakova

*Ph.D., Researcher, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences,
Moscow*

E-mail: postylyakova@mail.ru

The possibility of using ecological and resource approaches to the study of cyberbullying among young people are discussed. It is shown that the use of both of these approaches is a promising direction in the study of network aggression, cyberbullying and ways of coping with it. Ecological approach allows to consider the network context as a component of the overall social context, and as its specific form, in which formal (professional, educational) and informal (personal, family) environments can be represented, to identify the threats and resource opportunities contained therein for the individual as well. Personal resources ensure the effectiveness of the strategies to cope with online threats and enhance individual resilience.

Keywords: network aggression, cyberbullying, coping, coping resources, individual resilience

Библиографическая ссылка на статью:

Постылякова Ю.В. Экологический и ресурсный подходы в изучении сетевой агрессии среди молодежи // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2018. Т. 3. № 4. С. 193-211.

Адрес статьи

<http://work-org-psychology.ru/engine/documents/document422.pdf>